

Дмитрий Вилинский

Старый доезжачий

Дмитрий Александрович Вилинский

Старый доезжачий

Аннотация

«Да, пятый день на исходе, а конца моего пути далеко еще не видать впереди... Вот и последняя почтовая станция – путь лежит в сторону, ни просьбы, ни угрозы, ни даже самые деньги не смягчают голенастого зрителя, наотрез отказывавшегося дать в сторону лошадей. Просишь его – молчит, начнешь ворчать – молчит, – ну, просто пень, прости Господи!..»

Дмитрий Вилинский

Старый доезжачий

*Осень. Холодно, уныло –
Опадает лист,
Непогодушка завывла
Слышен ветра свист...*

Дм. В.

Да, пятый день на исходе, а конца моего пути далеко еще не видать впереди... Вот и последняя почтовая станция – путь лежит в сторону, ни просьбы, ни угрозы, ни даже самые деньги не смягчают голенастого зрителя, наотрез отказывавшегося дать в сторону лошадей. Просишь его – молчит, начнешь ворчать – молчит, – ну, просто пень, прости Господи!

А ничего-то не поделаешь: время дороже денег, говорит пословица, – его ничем не окупишь. Крепив сердце и подбрав дорожное пальто, отправился я по деревне искать сотского с живейшим желанием развернуть перед его безграмотными глазами открытый лист – с неизбежными выражениями «все законные требования исполнять в точности и немедленно». Но, к довершению неисчислимых бед моих, и деревня-то попала такая, что и сотского в ней нет... Хоть волком завой. Нужно вовсе не знать жмудина, чтобы питать

хоть слабую надежду на его сговорчивость, в каком бы положении человек не находился, и потому понятно, что несмотря на все мои посулы, ни один крестьянин и думать не хотел подрядиться везти меня в такую погоду, да еще под вечер. А погода как назло расходилась так, что любо-дорого. Ветер ревел как бешеный и обдавал крупным дождем попеременно со снегом; ложилась полная, непроглядная темь и нога вязла в клейкой грязи, заволакиваемой морозцем... Село словно вымерло, – хоть бы собака где-нибудь брехнула. Часа полтора шлепал я из избы в избы, расточая все свое красноречие, и едва нашлась одна более сговорчивая душа – в юбке, от которой я узнал, что на конце деревни живет бурлак (т. е. русский поселенец), у которого добрые кони и который может быть и повезет меня куда нужно. Надежда приободрила меня – еще сотня шагов по колено в грязи – и я добрался, наконец, до жилища единственного, может быть, в околдке оседлого русского человека.

Изба моего нового знакомого ни снаружи, ни внутри не представляла ничего особенного, но старик-хозяин не оправдал моих ожиданий: я думал встретить отставного солдата, а между тем, по приемам встречи, по фигуре и разговору, тотчас же угадал в нем бывшего дворового человека. На вид опытный глаз признал бы в нем шестидесятилетнего старика, но сухой старик сохранил удивительную бодрость, проявляющуюся во всей его фигуре. Нужно было видеть, с каким проворством и ловкостью он стащил с меня измок-

шее платье и загрязненные сапоги, и побежал поставить самоварчик, предугадывая, что русскому человеку необходимо чайку хлебнуть, – чайку, которым можно распарить какую угодно невзгону... Только теперь, в сухой избе, освободившись от мокрого платья, перед запылавшими дровами, без особенных доводов, я окончательно убедился, что на нынешнюю ночь пути мои отрезаны и волей-неволей придется ночевать. Не прошло и получаса, как старик притащил мои вещи к себе в избу и я беседовал с ним за горячим стаканом чая.

Хозяин мой, Никита Степанович Переходов, по рождению коренной русак, по профессии коновал, жил один-одинешенек: ни семьи, ни родных в этой стороне у него не было, единственными товарищами его одиночества была кургузая шавка под лавкой да сверчок за печкой...

– Как ты затесался, старик, в эту сторону? – расспрашивал я Никиту Степановича, – из какой губернии?

– Орловской, сударь...

– Вот и земляк выходишь, – говорил я, – как же попал-то сюда?... Дивлюсь, право: переселили что ль, ай по своей охоте?

– По своей, сударь, охоте занес Господь, да вот, видно, уж и не вынесет на родную сторону... Долго рассказывать.

– А господский был, али казенный?

– Господский... Верно изволили слышать у нас в Орловской губернии Николая Петровича Д-ва, царство небесное?

– Как же не знать Николая Петровича?.. Он еще такую большую охоту держал, – подсказал я...

– Так, сударь, так, – засиял Никита, – я у Николая Петровича 22 года доезжачим был; я ему и Растерзая достал...

– Какого Растерзая?

– Борзой кобель так назывался... Кобель борзой... Что греха с ним было: не приведи Господи! Чуть он барина нашего в могилу не вогнал...

– Расскажи, пожалуйста, старик: что за кобель такой мудреный? – затрагивал я за слабую струнку, – расскажи, я и сам охотник, много слышал про Николая Петровича и его доезжачего Никиту, с радостью и тебя послушаю.

– Вот, сударь, я Никитой-то и прозываюсь. Никитка-вор, не было мне в вотчине другого прозвания, а Бог милостив, никогда не брал этого греха на душу. Давно это дело было, – начал Никита, – Николай Петрович только что из полка в ту пору приехал на свою вотчину. Мальчишкой я еще был, почитай лет 12 не больше. Как приехал барин, собрали нас со всех шести деревень недоростков и приставили к Николаю Петровичу. Тут он нам начал пробу делать, высматривать: на деревья заставлял лазить, верхом ездить, бегать что есть духу навывередки, бороться; ночью к пруду, либо в лес посылал, в пустые избы запирал – значит удаль нашу пытал, а там – кого на дом отослал, кого на конюшню, кого на псарню, а я попал в горницы, к самому барину на посылки... Что, сударь, реву было, а я, помнится, ухом не повел: сшили мне

зеленый казакин с желтыми кантами, стянули ремнем, помыли, постригли – глянул я ненароком в зеркало – сам себя не опознал... Жизнь моя, сударь, была просто масленица: мальчишка я был шустрый, барин меня полюбил и просто жить без меня не мог.

В гости ли едет, Никитка с ним, на охоту – Никитка у стрелени; кушает, либо в карты играет – Никитка за стулом стой, и так-то я приноровился к Николаю Петровичу, – чуть, бывало, глянет – уж я знаю, что ему надобится.

Жил Николай Петрович один-одинок; старых-то господ, родителей барина я не застал, допреж того повымерли, и кроме сестрицы Веры Петровны никого, кажись, не было родных у Николая Петровича. Ездил он к ней в вотчину редко, по большим праздникам, а она тоже, бывало, в году однажды заедет, да и то не всякий год, потому и дома-то когда застанешь Николая Петровича?.. Вотчиной у нас правил из дворовых Григорий Семеныч Ползунов, а дочка его Глаша у барина ключницей была; раскрасавица этакая, – всем заправляла. Барин, известно, день в день на охоте: летом на птицу с легавыми, и куда мы не езжали только, а наступила осень – пошла травля! Гончих двадцать смычков в напуску, заголосят – небу жарко!.. Восемь свор борзых – ни один матерой волк не отделается... Поверите ли, сударь, одного медведя затравили... А уж кони, кони бывало!.. И не рассказать вам!.. Видывал я охоты, сударь, а такой никому не похвастаться... Что ж? Пожалуй и у Волковых были собачонки

и у Александровых... Да что толковать!..

Так-то мы жили с барином, почитай, годов с десяток любо да мило. Много воды утекло, много зверя перетравили, не одного коня заездили... Григорий Семеныч в купцы вышел, ключницу Глашу за мещанина замуж выдали, а барин взял себе новую из деревни Барок, Антона Скалина дочку Дуню, да и меня в доезжачие произвел, значит велик я стал в горницах служить.

И уж какая жизнь, сударь, была всем нам, дворовым!.. Пошли Господи всякому доброму человеку. Барин наш добрейший, известно – иной раз побранит, иной раз сгоряча и по уху заедет, потому нужно бывает порой поучить нашего брата, а чтобы обижать кого – сохрани Господи! А Антоновна что добра делала и не рассказать: барин-то ее очень жаловал... Да видно как ни живи, – либо сам наткнешься на горе, либо оно на тебя наткнется... Раз, сударь, как сейчас помню, было это дело недели за три до Покрова: непогода такая стояла – дождь, почитай, целый день мочил. Воротились мы с поля поздно, я все как есть справил – коней убрали, собак накормили, и пошел я в большую избу с дворней покалякать. Глядь, чужой человек: приехал от князя Ю-ва, верст почитай 120 от нашей вотчины, с письмом к барину. Не успел я порядком языка почесать с девками – к барину кличут...

Вошел я в горницу – он письмо отписывает, поглядел на меня, и опять пишет, а там велел позвать посланного, пожаловал ему красненькую и отправил, а мне приказал собрать-

ся в дорогу: снарядить фургон, взять четыре своры на подбор, восемь лошадей и вместе с двумя нашими охотниками ехать в сельцо Чудовку, к князю Ю-ву и ждать самого Николая Петровича. «Смотри Никита, – говорил барин, – не ударься лицом в грязь!.. Казакины и седла возьми новые; береги собак, да гляди, чтоб люди не баловались!..»

На другой день, в пятницу, чуть на зорьку, тронулись мы с места, а в воскресенье после обедни стали на месте. Дело известное – сперва мы к князю представились. Такой ласковый старик: «Отправляйся, – говорит, – любезный и скажи моему доезжачему, чтобы псарню для твоих собак отвел рядом с собаками графа...»

А к ним, сударь, какой-то граф приехал. Отвели псарню – высаживаем мы с Егоркой из фургона собак, глядь – графский стремянный вышел, такой козырь – кафтан золотым шнуром обложен, глядит на наших собак да ухмыляется... Так меня досада, сударь, взяла! Известно, собаки наши в дороге поизмялись, шерсть навежилась. «Что, говорю, любезный, почем смешки продаешь?» А у самого так и кипит сердце на этого самого щеголя, будто он мне обиду какую произвел... Чужало сердце недоброе... Ну, а он ничего не сказал, засмеялся и пошел в людскую.

Убрали мы собак, а меня так и подсаживает поглядеть на графских собак, так и подсаживает... Зашел я на задворки, чтобы, значит, виду не дать, что больно любопытство меня взяло, глянул в щелочку – десять смычков гончих, все чер-

нопегие в подпалинах – одна в одну подобраны; в другой горнице (а псарня у князя, сударь, словно хоромы с выдвигаемым полом) две своры борзых – так, ничего собачонки, а особливо от них в уголку – в серебряных ошейниках – половой кобель и такая же сука. Я этакой красоты, как на свете живу, не видывал!.. Смотрю на них, глаз не могу оторвать, а сердце словно молоток – чуть не выскочит... а на своих-то собак мне уж и глядеть не хочется...

Так-то я, почитай, с полчаса простоял, любуясь на них...

Наутро, к полудни, и Николай Петрович подкатил на тройке лихих караковых, а на другой день и охота заказана.

Что туда господ, сударь, наехало, что собак повели! Одних экипажей – пройти некуда; народу – словно в коренной ярмарке.

Вечером зовут меня к барину.

– Что, Никита, спрашивает, все благополучно?

– Все слава Богу, сударь, говорю...

– А видел, говорит, графских собак? Что-то больно хвалят, говорит...

– Видел, сударь, завтра сами изволите посмотреть...

– Ну что! – говорит Николай Петрович, – как думаешь?

– Половые-то, говорю, сударь, половые с ума нейдут... Да, авось, Господь милостив...

– Господь милостив, – говорит Николай Петрович, а сам, вижу, призадумался...

На другой день на зорьке поднялся я, помолился Николаю

Угоднику, все приготовил: и обходчики воротились. Главный княжеский доезжачий в хоромы с докладом пошел: четыре гнезда волков припасено, работы, значит, будет!.. Вот и в рожок: надо седлать... Весело – живо все справили и тронулись... Господа до места в экипажах поехали; сам князь с графом и моим барином сели в линейку, а сбоку поехал графский стремянный: в поводу буланого графского жеребца, а на своре – половых... Глянул на них Николай Петрович и побелел весь – отвернулся; опять глянул – вижу, не может глаз от них оторвать... А графский франтик, шельма, видно подметил, – ухмыляется... Опять меня досада на него взяла: думаю, не я буду, коли не отделаю этого голубчика, и уж прибрал к тому случай...

Так-то мы к острову подбыли; тут опять княжеский доезжачий, Гаврила, седой весь, снявши шапку, подошел к линейке, поговорил тихонько с господами и отошел. Господа вылезли, стали на лошадей садиться, а князю кабриолет подали. Тут и графчик, племянник князя, молодой такой, подскакал – хохочет, шумит, зачал говорить – в силу его уняли, потому голос звонкой!..

Граф сел на буланого, собак у стремянного оставил, а я своему барину подвел Черкеса и подал свору... Лихая свора, сударь, была! Белая сука Лебедка да два пегих кобеля – Обрывай и Ураган... Не было такой своры у нас в околке!.. А ведь половые оборвали, – с ушей оборвали! Недаром сердце мое чуяло недоброе...

Стали разъезжаться. Восемнадцать свор одних борзых, а гончих только графские чернопегие.

– Держись меня, Никита! – шепнул, проезжая, Николай Петрович, – выручай как знаешь.

А я, прости меня Господи, каюсь, сударь, подрезал подпруги графскому стремянному: «Ты у меня, соколик, думаю, не раскатишься...»

Заняли лазы. Так-то стал граф с стремянным у овражка, налево, на горке, за зарослью – князь, барин мой – по правую сторону, а я – с другой сворою, – так, шагов шестьдесят от него. Обтянули кругом остров – мышь не выскочит и значит положено было: ни лисы, ни русака не травить, – окромя волков.

Бросили и гончих – два выжлятника при них; ждем – слышно: хватила одна по-зрячему, свалилась стая, гон стоном стоит и словно на месте режутся собаки. Уж и выжлятников не слышать, просто содом содомом! Что за оказия – не выставляют зверя; ждем не дождемся. Шлет меня барин в остров узнать. Подскакал я к стае, глянул – только шерсть ключьями летит. Навалилась, сударь, стая прямо на гнездо, сбила его в кучу и пошла потеха. До меня еще выжлятники трех волков, и гораздо больших, из-под стаи приняла. Зарезали и четвертого. Еле-еле угомонили собак – слышу: налево улюлюкают... Голова кругом пошла! Не знаю куда мне на свой лаз выбраться: и сам без своры – при барине оставил, и ему-то связал руки двумя сворами... Кинулся я прямо на

травлю; только в опушку, а с поля из-под борзых волчище, да ведь этакой матерущий, что редко и видывать. Чуть лошади моей с ног не сшиб, серый дьявол, и в остров... А он, сударь, – шумовой, выбрался в поле напротив княжеского племянника-офицера, тот, не выпустил из своры и давай его улюлюкать!.. Видно, впервой ему было. Волк не дурак был, да в остров, и налетел прямо на меня... Тут уж я и света не взидел, и барина позабыл... Кинулся за ним, навалил стаю... А подо мной зверь – не лошадь, чуть собак не топчу: улю, да улю-лю-лю! Куда выжлятников оставил!.. Круга два обогнул зверь, и выжили его прямехонько на старого князя – от графа шагов полтора ста. А барин мой, гляжу, выпустил коня – заскакивает. Волчище в гору из зарослей и ткнулся прямо на кабриолетку князя, запнулся было... да видно, не устоишь, коли сзади десять смычков доплывают.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.